

УДК 343.8

Ретроспективный анализ кадрового потенциала сотрудников пенитенциарной системы в первые годы советской власти

Кашкина Екатерина Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент,

ведущий научный сотрудник, ФКУ НИИ ФСИН России, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность», ЮИ РУТ (МИИТ). Россия, г. Москва.

E-mail: 000049@bk.ru

ORCID: 0000-0001-5045-2054

Аннотация. В статье приводится краткий анализ российской кадровой политики пенитенциарной системы в первые годы после революционных событий 1917 года. Отражены основные проблемы, с которыми столкнулась новая власть большевиков в данной сфере, а также предпринимаемые ими способы их решения. На основе анализа научных и нормативных источников автор приходит к определенному выводу значимости исторических событий для современной уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, кадровая политика, карательная политика, образование, воспитание.

История российской пенитенциарной системы всегда находилась в тесной связи с социально-политическими процессами в стране. Переломные события 1917 года придали не только импульс формированию новой государственности, но и стали своеобразной предпосылкой для переосмысления принципов функционирования пенитенциарной системы. Вопрос кадровой политики в исправительно-трудовой системе занял в этот период особое место. От того, кто именно осуществлял руководство тюремными учреждениями, мотивации и компетенции персонала зависело не только содержание наказания, но и дальнейшее развитие всей советской концепции исправления и перевоспитания.

В научной литературе принято считать, что первые послереволюционные годы были временем поиска, экспериментирования и нередко противоречивых решений. Старая система подверглась разрушению, тогда как новая еще не сформировалась. В этих условиях кадровая политика стала одновременно и инструментом политической борьбы, и способом закрепления большевистской идеологии в ключевых институтах государства.

Как отметил в своем исследовании О. А. Белоусова, «служба в тюрьме никогда не являлась ни престижной, ни доходной», что в дореволюционной России, что при Советском союзе, несмотря на проведение реформ, затрагивающих социальные гарантии сотрудников пенитенциарной системы, в стране ощущался кадровый голод. Ощущался недостаток в сотрудниках, имевших «...специальное образование, опыт работы, профессиональные и личностные навыки, способствовавшие качественному несению службы» [1, с. 130]. На данный факт обращает внимание С. А. Сивцов, утверждающий, что по действующему до 1917 года Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, правовое положение сотрудников пенитенциарной системы не было определено, «к числу должностных лиц относились как штатные, так и внештатные сотрудники, как получавшие, так и не получавшие вознаграждение за служебную деятельность, как чиновники, так и канцелярские служители, занимающие должность по назначению либо по найму, как русские поданные, так и иностранцы, исполняющие свои обязанности временно или постоянно» [10, с. 39].

Пришедшие к власти большевики, стремящиеся заменить старый аппарат новым, способным претворять в жизнь новую идеологию, столкнулись с рядом проблем. Во-первых, представители рабочего класса, не имели достаточного опыта управления. Так, по воспоминаниям Наркомвнудела Г.И. Петровского, «много мы тогда себе не представляли ...подчас не знали, как и приступить к делу» [8, с. 184]. Во-вторых, и это главное, одним из серьезных препятствий явилось отсутствие подготовленных кадров, особенно специалистов по различным отраслям. Подобное находит подтверждение в отношении новой власти к тюремной администрации, когда, со слов Д.В. Волошина, одна (основная) часть как специалистов старой системы, была отстранена от работы, а другая – покидала службу по причинам, как правило, идеологического или финансового характера [2, с. 141]. Отсутствие налаженной системы профессионального обучения, ликвидация школ и курсов подготовки, социально-политическая нестабильность усложняли воплощение поставленной задачи.

Представляется обоснованным объяснение причин отстранения дореволюционных служащих пенитенциарной системы, данное в исследовании М. В. Пулькина. Автор справедливо указывает, что прежний тюремный персонал формировался в условиях господства правового нигилизма и пренебрежения к человеческому достоинству, вследствие чего представители «старых кадров» оказались носителями специфических профессиональных установок, воспринятых из практики царского режима. Между тем, в представлениях нового руководства вина осужденного в совершении противоправного деяния трактовалась как относительно незначительная: преступление воспринималось скорее как результат стечения неблагоприятных жизненных обстоятельств или индивидуальных психологических особенностей. На этой основе утверждалась необходимость признания за лицом, утратившим свободу, сохраняющегося статуса гражданина, что требовало уважения его личного достоинства. Соответственно, персонал дореволюционного происхождения оценивался как «в общем малопригодный» для реализации задач, поставленных обновленной государственностью и новым общественным укладом [9].

В доктрине уголовно-правовой политики Временного правительства приоритетное значение придавалось именно исправлению и перевоспитанию правонарушителя. Наказание мыслилось не столько как возмездие, сколько как инструмент гуманизации. В этом контексте приказ Главного тюремного управления № 1 от 8 марта 1917 года прямо предписывал проявление уважения к личности заключенного и обеспечение гуманного режима содержания. Указанная линия получила закрепление в постановлениях от 17 и 30 марта того же года, которыми отменялись оковы, арестантская форма и телесные наказания [3, с. 39].

Однако курсу гуманизации препятствовали существенные кадровые проблемы. Низкая заработная плата, тяжелые бытовые условия и отсутствие социальной защищенности объективно не позволяли требовать от сотрудников исправительных учреждений высокой профессиональной квалификации, приверженности службе и должной дисциплины [4, с. 145]. Более того, сменившие старый персонал представители рабочих, крестьян, демобилизованные солдаты и революционные активисты, хотя и обладали политической лояльностью, зачастую не имели даже минимальной образовательной подготовки, не были знакомы со спецификой пенитенциарной деятельности и практически не имели управленческих навыков. Возникшее противоречие между идейной благонадежностью и объективной потребностью в профессионализме закономерно отрицательно отражалось на функционировании пенитенциарной системы. Данное обстоятельство делало необходимым, как минимум, организацию элементарной профессиональной подготовки нового состава [2, с. 141].

Источники убедительно свидетельствуют, что в 1917–1918 годах полноценного института профессионального образования для сотрудников исправительно-трудовой

системы в России фактически не существовало, что усугубляло структурный кризис кадрового обеспечения пенитенциарной сферы.

Однако несмотря на все недостатки именно в рассматриваемый период были заложены основы будущей системы подготовки кадров. Постепенно оформилась мысль о необходимости специальных учебных заведений, что в дальнейшем привело к созданию курсов и школ НКВД [6].

В этой связи Главное тюремное управление приказом № 2 от 18 марта 1917 г. объявляет о предстоящем открытии кратковременных курсов тюремоведения. 7 апреля 1917 г. постановлением Правительства учреждаются при Главном управлении трехмесячные пенитенциарные курсы для специальной подготовки кадров тюремной администрации. На учебу принимались лица с высшим и средним образованием, преимущественно офицеры и солдаты-инвалиды, а также с разрешения начальника ГТУ лица, уже занимавшие должности в тюремном ведомстве [7, с. 84].

Продвигая новую кадровую политику, Временное Правительство 29 июля 1917 года принимает постановление «Об установлении нового расписания должностей начальников и помощников начальников мест заключения и отпуске средств на улучшение быта чинов стражи и других служащих при местах заключения», способствующее обновлению состава новыми работниками, предусматривающее повышение окладов денежного содержания, выплаты за поднаем жилья, а также вознаграждения за выслугу лет [7, с. 83].

19 марта 1918 г. был принят циркуляр НКЮ РСФСР «О порядке увольнения и назначения на должности тюремной инспекции и администрации», регламентирующий систему подбора кадров в места заключения [1, с. 130–131]. В документе определялась номенклатура должностей, а также роль губернских и уездных Советов в комплектовании кадров. Данный нормативный документ стал своего рода лакмусовой бумажкой политической конъюнктуры гражданской войны [1, с. 131].

Далее в течение 1918 года, как следует из научного исследования, проведенного Д. В. Волошиным, предпринимались попытки поиска новых форм и методов профподготовки пенитенциарного персонала, с декабря 1918 года в Центральном карательном отделе (г. Москва), а позже и в других карательных отделах (Тверском, Вятском) начали функционировать первые пенитенциарные «курсы для работников исправительно-трудовых учреждений без отрыва от работы» [2, с. 142].

В тот же год организуются московские курсы для воспитателей в местах заключения, в образовательную программу которых был включен психолого-воспитательный раздел, содержащий в себе вопросы психологического наблюдения и изучения преступника, а также методы воспитательного и исправительного воздействия на лиц, лишенных свободы. Наличие этого блока, по заверениям Д. В. Волошина, было обусловлено стремлением к познанию особенностей личности «последних» (как тогда считали) преступников и оказанию на них психолого-педагогического воздействия посредством полученных знаний. Новая власть стремилась также к юридическому закреплению правовых основ своей кадровой пенитенциарной политики (включая профподготовку служащих мест заключения), постепенно начав ее формирование [2, с. 142].

Мы же в свою очередь обратим внимание на тот факт, что исходя из принятой на VIII съезде Российской Коммунистической партии (большевиков) в марте 1919 года программы, провозглашавшей новое государство, ориентированное на гуманизацию уголовной политики под лозунгом «От тюрем к воспитательным учреждениям!», предполагало переход от карательной политики к системе учреждений исправительно-трудового характера. «Этот лозунг, имел определенный социально-политический смысл: со словом «тюрьма» ассоциировалась вся царская тюремная система...» [5, с. 133]. Это означало, что в приоритете среди работников пенитенциарной системы считалось умение работать с массами заключенных, объяснять им задачи новой власти, вовлекать

их в трудовую деятельность. Однако это иной период исторического развития пенитенциарной системы, пережившей «красный террор» и иные потрясения, не входит в предмет нашего исследования.

Основываясь на сказанном ранее, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, с 1917 по 1918 годы персонал пенитенциарной системы отличался крайней неоднородностью. С одной стороны, часть дореволюционных работников все же сохранялась на местах, поскольку полностью заменить их сразу не представлялось возможным. С другой стороны, новые кадры, пополнявшиеся за счет революционеров, бывших фронтовиков и представителей рабоче-крестьянского сословия. Соответственно, кадровая политика постепенно переформатировалась, обретая ярко выраженный идеологический характер: формирование персонала исправительных учреждений превращалось в часть общей классовой борьбы.

Во-вторых, уровень профессиональной подготовки персонала оказался крайне низким: многие сотрудники не имели ни юридических знаний, ни управленческих навыков, их деятельность зачастую определялась не нормами права, а революционной целесообразностью. Это приводило к случаям самоуправства, нарушению дисциплины и неопределенности в правовом статусе заключенных.

В-третьих, происходящие в обществе и государстве процессы привели к следующим последствиям, отражавшим общую ситуацию в государственном строительстве первых лет советской власти, когда идеология превалировала над институциональной стабильностью:

- отсутствие единых стандартов и правил работы персонала;
- дефицит опытных кадров и разрушение профессиональных традиций;
- правовой вакуум, при котором решения принимались исходя из политической конъюнктуры.

В-четвертых, именно кадровая политика рассматриваемого периода заложила основу будущей советской исправительно-трудовой системы. В последующие годы кадровый вопрос был институционализирован: появились курсы подготовки работников, вводились дисциплинарные уставы, закладывалась новая вертикаль управления в рамках НКВД (что будет ближе к началу 30-х годов).

Таким образом, опыт прошедших лет позволяет глубже понять механизмы и специфику формирования исправительно-трудовой политики советского государства. Для современности исторический опыт важен как пример того, как идеологизация кадрового вопроса может подорвать эффективность и профессионализм любой системы, даже столь жизненно важной, как система исполнения наказаний.

Список литературы

1. Белоусова, О. А. Кадры отечественной уголовно-исполнительной системы (1917– 1941 годах) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 129–140.
2. Волошин, Д. В. Профессиональная подготовка служащих мест заключения в начальные годы советской власти (1917–1924 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (186). С. 141–146.
3. Галкина, Г. Д. Исторические аспекты становления уголовно-исполнительной системы и образовательной деятельности в ней как средства исправления осужденных. URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/28459/1/978-5-91256-438-3_2019_009.pdf (дата обращения: 03.09.2025).
4. Гаранжа, С. А. Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917–1934 гг. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. – 228 с.
5. Ощепков, А. Л. Социальное назначение воспитательных колоний в советский период // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 3. С. 133–136.

6. Пашков, А. М. История отечественной пенитенциарной системы. – СПб: Юридический центр Пресс, 2011.
7. Петренко, Н. И. Трансформация организационно-правовых основ пенитенциарной системы в период временного правительства // Вестник российского университета кооперации. 2012. №1(7). С. 81–85.
8. Похилюк, А. В., Казак, В. В. История создания советских народных комиссариатов (к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции) // Царскосельские чтения. 2017. Том I. С. 184–187.
9. Пулькин, М. В. тюрьмы империи: специфические черты российской пенитенциарной системы в XIX – начале XX вв. (по материалам Олонецкой губернии) // Studia Humanitatis. 2019. № 1. Международный электронный научный журнал. – URL: <file:///C:/Users/admin/Downloads/tyurmy-imperii-spetsificheskie-cherty-rossiyskoy-penitentsiarnoy-sistemy-v-xix-nachale-xx-vv-po-materialam-olonetskoy-gubernii.pdf> (дата обращения: 03.09.2025).
10. Сивцов, С. А. Аспекты правового положения и становление понятия должностных лиц уголовно-исполнительной системы России в дореволюционный и советский периоды развития // Вестник Самарского юридического института. 2010. № 1. С. 38–40.